

Денис Владимирович Васильев

*магистрант 2-го года обучения,
кафедра русской литературы и журналистики,
филологический факультет,
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
vasiljevden@yandex.ru*

ИСПОВЕДЬ И ПОКАЯНИЕ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ»*

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются сцены исповеди в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Направление нашей работы во многом определила концепция М. М. Бахтина, согласно которой покаянное слово в творчестве Достоевского диалогично, просительно обращено вовне себя, к Богу. Участие другого в исповедальных ситуациях романа предполагает сострадание, принятие к сердцу чужих грехов как своих собственных.

В статье подчеркивается, что исповедь, соотнесенная с актом покаяния, неразрывно связана с принципом деятельной любви. Посредством деятельной любви герои романа стремятся к духовному единению и принятию нравственного закона старца Зосимы о всеобщей вине и ответственности. Указываются основные признаки рассмотренных исповедальных признаний: преодоление чувства стыда публичного разоблачения, предельная искренность, стремление к возрождению и исцелению души.

Ключевые слова: исповедь, покаяние, Достоевский, Бахтин, идея всеобщей вины и ответственности.

Потребность в исповеди присуща героям Достоевского. М. М. Бахтин пишет: «...только в форме исповедального самовысказывания может быть, по Достоевскому, дано последнее слово о человеке, действительно адекватное ему» [2, 64]. Ученый приходит к заключению, что исповедь у романиста — это «встреча глубинного "я" с другим и другими (народом), как встреча я и другого на высшем уровне или в последней инстанции» [3, 322]. Согласно его концепции, исповедальное слово стремится к диалогу, просительно обращено вовне себя, к Богу [1, 210].

Исповедь — это церковное таинство покаяния, установленное Христом и являющееся необходимым условием для спасения человека: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство

Небесное» (Мф. 4:17); «Если не покаетесь, все так же погибнете» (Лк. 13:3). В мировой литературе встречаются произведения, написанные в жанре исповеди, в которой слово адресовано не Богу, а человеку. В литературной исповеди может отсутствовать стремление к покаянию (например, «Исповедь» Ж.-Ж. Руссо). Помимо литературной исповеди, необходимо выделить также исповедь в литературном произведении.

Исповеди героев в творчестве Достоевского — это попытка самоанализа, стремление сказать о себе нечто сокровенное. Исповедальное обнажение своей души зачастую антиэстетично и алитературно, так как «здесь неизбежен конфликт с формой и с самим языком выражения, которые, с одной стороны, необходимы, а с другой — принципиально неадекватны, ибо содержат в себе эстетические моменты» [1, 209]. Акт покаяния не завершен, бесконечен, «все, что уже определилось и стало, плохо определилось и плохо стало; ценностной эстетически значимой точки быть не может» [1, 209]. Незавершенное покаянное слово молитвенно, оно полно «нужды в прощении и искуплении, как абсолютно чистом даре, в ценностно сплошь потусторонней милости и благодати» [2, 209].

Неотъемлемым условием исповеди как христианского таинства покаяния является признание «всех грехов, обременяющих совесть кающегося»¹, исповедуется верующий в Бога в присутствии священника и через него избавляется от греха.

Исповедальные признания в романе «Братья Карамазовы», наиболее близкие к церковному таинству покаяния, — исповеди «верующих баб» Зосиме. Женщины, пришедшие на исповедь к старцу, видят в нем духовного наставника, перед которым они заливаются «слезами умиления и восторга» и рвутся «облобызать хоть край одежды его»².

Первая исповедь — это плач женщины, потерявшей ребенка. Выплакивая свое горе, рассказывая о тоске по сыну, она стремится вернуть иссушенную страданием душу к жизни: «забыла я, обо всем забыла» (14, 45). После смерти ребенка женщина застыла в прошлом, жизни в настоящем для нее не существует, действительность заменили воспоминания

и надрывное горе: «Разложу, что после него осталось, всякую вещь его, смотрю и вою» (14, 45). Зосима, помогая женщине освободиться от гнета горя знает, что только очищающий покаянный плач, рождающий умиление³, способен вернуть ее к жизни действительной:

И надолго еще тебе сего великого материнского плача будет, но обратится он под конец тебе в тихую радость, и будут горькие слезы твои лишь слезами тихого умиления и сердечного очищения, от грехов спасающего (14, 46).

Это наставление Зосимы соответствует святоотеческой традиции. Так, о кающемся сердце, которому даруется умиление, пишет, например, Иоанн Лествичник: «...изумляюсь тому, каким образом плач и, так называемая, печаль заключает в себе радость и веселие, как мед заключает соты»⁴. Плач духовный, постепенно обращающийся в «тихую радость» и «тихое умиление», — это нескончаемая мысленная исповедь, постоянная обращенность к Богу: «...умиление есть непрестанное мучение совести, которое прохладждает сердечный огонь мысленною исповедью перед Богом»⁵.

Жажду покаяния и одновременно страх исповедоваться испытывает молодая крестьянка в следующей исповеди:

Она глядела молча, глаза просили о чем-то, но она как бы боялась приблизиться (14, 47).

Однако страх женщины искореняется христианской любовью и умилением со стороны старца Зосимы:

...любовью все покупается, все спасается. Уж коли я, такой же, как и ты, человек грешный, над тобой умилился и пожалел тебя, кольми паче Бог (14, 48).

Деятельная любовь неразрывно связана с постоянным покаянием. Непрерывно совершаемое покаянное усилие, стремление удержать в себе «нового человека» снимает преграду в виде греха между Богом и человеком. Зосима призывает отогнать от себя страх и сосредоточиться на покаянных движениях своего сердца:

...только бы покаяние не оскудевало в тебе — и все Бог простит. Да и греха такого нет и не может быть на всей земле, какого бы не простит Господь воистину кающемуся (14, 48).

«Воистину кающегося» Бог вырывает из душевной обыденности греха, собственной завершенности и одиночества. Зосима поясняет:

...веруй, что Бог тебя любит так, как ты и не помышляешь о том, хотя бы со грехом твоим и во грехе твоём любит (14, 48).

О любви истинной, спасающей говорит кающейся крестьянке Зосима:

Любовь такое бесценное сокровище, что на нее весь мир купить можешь, и не только свои, но и чужие грехи выкупить (14, 48).

Посредством деятельной любви человек стремится к единению с людьми и принятию идеи о всеобщей вине и ответственности. В. Н. Захаров отмечает: «Он (Зосима) учит покаянию. Нет чужого и своего греха. Каждый за другого ответствен» [5, 706]. Действительно, исправление искаженной природы человека достигается при усилении как исповедующегося, так и принимающего исповедь. Участие «второго» предполагает сострадание, принятие к сердцу чужих грехов как своих собственных, осознание своей ответственности за согрешившего. В этом смысле показательна исповедь «таинственного посетителя» Зосиме.

Сострадание Зосимы — это ответное чувство разделения вины с «таинственным посетителем»: «Измучен был я до болезни, и душа моя была полна слез» (14; 280). Разделив вину с согрешившим, Зосима, еще не имеющий священного сана, становится как бы соучастником преступления:

И до того жалко мне стало его тогда, что, кажись, сам бы разделил его участь, лишь бы облегчить его (14, 280).

Сострадание Зосимы — это и молитвенное обращение к Богородице за своего гостя:

Бросился я тут на колени перед иконой и заплакал о нем пресвятой Богородице, скорой заступнице и помощнице (14, 281).

С. И. Смирнов указывает, что «молитвенное предстательство пред Богом за грешника со стороны лица, принимавшего исповедь является важным этапом на пути избавления от греха в покаянной дисциплине»⁶. Так, рукописный чин

исповеди начала XIX века оканчивается просьбой согрешившего помолиться о нем или вместе с ним: «Прости меня, отче, и благослови. Помолись обо мне грешном». «Прости меня, отче, и благослови. Помолись со мной грешным»⁷.

«Таинственного посетителя» терзает раскаяние, осознавая свою вину, он пытается избавиться от греха в одиночестве, исстрадать его внутри себя:

Но будучи тверд сердцем, сносил муку долго: «Искуплю все сею тайною мукой моею» (14, 279).

Самостоятельное искупление греха замыкает его в дурной бесконечности переживаемого страдания, попытка избавиться от «тайной муки» превращается в четырнадцать лет пребывания в аду, двери которого заперты изнутри. Однако сердцем он слышит голос Бога (совесть), понуждающий к совершению единственно необходимого поступка — покаяния:

Наконец уверовал всем сердцем своим, что объявив свое преступление, излечит душу свою несомненно и успокоится навсегда (14, 280).

История Зосимы окончательно убеждают «таинственного посетителя», что «рай тотчас же и наступит» (14, 280), как только он публично покается в своем преступлении. Признаться всенародно — это преодолеть стыд, страх подвергнуться осмеянию. «Таинственный посетитель» боится быть не понятым людьми, боится позора, а потому пытается самооправдаться:

Да нужно ли? — воскликнул, — да надо ли? Ведь никто осужден не был, никого в каторгу из-за меня не сослали, слуга от болезни помер. <...> Не ошибемся ли мы? Где тут правда? Да и познают ли правду эту люди, оценят ли, почтут ли ее? (14; 280).

Самооправдание рождает искушение — уклониться от правдивого взгляда на себя и попытаться уйти от ответственности. Для «таинственного посетителя» невыносима мысль, что есть человек (Зосима), который знает о его злодеянии и требует признания перед людьми. «Соучастник» и «судья» Зосима вызывает у него ненависть:

И вдруг возненавидел тебя до того, что едва сердце вынесло. «Теперь, думаю, он единственный связал меня, и судия мой, не могу уже отказаться от завтрашной казни моей, ибо он все знает» (14, 283).

«Таинственному посетителю» удастся преодолеть заботу о своей репутации, покаяться и начать жить заново, родиться (он кается в свой день рождения), восстановить себя для жизни действительной:

Разом ощутил в душе моей рай, только лишь исполнил, что надо было (14, 283).

Исповедь подразумевает искренность от согрешившего⁸. Так, Митя говорит Алеше:

...ты ангел на земле. Ты выслушаешь, ты рассудишь, и ты простишь... А мне того и надо, чтобы кто-нибудь высший простил (14, 97).

Следуя традициям покаянной исповеди, Алеша выступает посредником между исповедующимся и Богом.

Митина исповедь — это одновременно и процесс познания себя, и стремление преобразиться. Путь к покаянию у Дмитрия неразрывно связан с обращением к Богу: «И вот в самом-то позоре я вдруг начинаю гимн Богу» (14, 99). Митя верит в возрождение человека, находящегося даже в самом унижительном положении:

Чтоб из низости душою
Мог подняться человек
С древней матерью-землею
Он вступи с союз навек (14, 99).

Дмитрий пока не готов дать практическую реализацию этому «стишку», пока тайной для него являются строки Шиллера:

Но только вот в чем дело: как я вступлю в союз навек? Я не целую землю, не взрезаю ей грудь; что ж мне мужиком сделаться аль пастушком? (14; 99).

И все же его исповедь — это начало «перемены ума», открытия в себе «нового человека».

Обращает внимание предельная честность Мити и во время «предварительного следствия». Остаться лжецом для

него — мука непереносимая, поэтому наказание для Дмитрия — это недоверие прокурора, неприятие его исповеди:

...тогда уже вы прямо не уважаете меня, господа, вот что я вам говорю, и я умру от стыда, что признался таким, как вы! (14, 445).

«Позор» Дмитрия заключается в том что, взяв три тысячи у Катерины Ивановны, он первую половину прокутил с Грушенькой, а вторую — припрятал:

Не в полутора тысячах заключается позор, а в том, что эти полторы тысячи я отделил от трех тысяч (14; 442).

Д. Мартинсен отмечает, что «он стыдится быть человеком, способным истратить деньги одной женщины, чтобы потешить свою страсть с другой. Подчеркивая подлость этого действия, Дмитрий выдвигает на первый план свое чувство чести» [7, 423].

Пережив нравственное потрясение «после минуты унижения чести» (14, 421), Митя преодолевает одержимость собственной репутацией. Его «хороший сон» свидетельствует о возложении на себя вины за страдания в мире. Именно через страдание хочет он воскресить в себе нового человека:

Принимаю муку обвинения и всенародного позора моего, пострадать хочу и страданием очищусь! (14, 456).

Митя не боится претерпеть страдание. Страшнее для него — это потерять себя обновленного, утратить тот естественный свет, который он смог уловить. В главе «Гимн и секрет» Дмитрий страстно признается Алеше в том,

...что в рудниках буду двадцать лет молотком руду выколачивать, не боюсь я этого вовсе, а другое мне страшно теперь: чтобы не отошел от меня воскресший человек (15, 31).

Стыд свой, «позор» он помнит, но уже готов и это вытерпеть: «устыдят они меня на суде! Как-то вытерплю» (15, 33). Решив идти на каторгу «за дитё» («Потому что все за всех виноваты» (15, 31)), Дмитрий рассказывает Алеше секрет, сводящийся к предложению Ивана бежать ему с Грушенькой в Америку. Митя понимает: пойти на каторгу — значит отказаться от Грушеньки. Не зря он Алешу спрашивает трижды:

Каторжных разве венчают? — повторил он в третий раз, молящим голосом (15, 35).

С другой стороны, Дмитрий боится укоров совести: «от распятия убежал!» (15, 34). Сибирская каторга для Мити — это крест, возможность очиститься страданием, а Америка — бегство от распятия и самообман, где «мошенничества много» (15, 34). Возникшее противоречие указывает на то, что Дмитрий пока не знает, кто победит: «"Новый человек" или Бернар презренный».

Покаянные исповеди героев ведут их к возрождению и духовному обновлению. Каждый из них по-своему переживает осознание своей вины. Каждому из них дается возможность пережить духовный переворот, преодолеть «ад», воспринять идею старца Зосимы о всеобщей вине и ответственности.

Примечания

- * Исследование выполнено в рамках государственного задания Минобрнауки России (ГБТ № 651-14).
- 1 Алмазов А. И. Тайная исповедь в православной восточной Церкви: В 3 т. Одесса: Типография штаба Одесского военного округа, 1894. Т. 1. С. 19.
  - 2 Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 14. С. 44. В дальнейшем ссылки на произведения Достоевского приводятся по этому изданию с указанием в тексте тома и страницы в круглых скобках после цитаты.
  - 3 О значении категории умиления в поэтике Достоевского см.: Захаров В. Н. [6, 179–195].
  - 4 Иоанн Лествичник. Лествица. Спб.: Благовест, 1996. С. 70.
  - 5 Там же. С. 72.
  - 6 Смирнов С. И. Духовный отец в древней восточной Церкви. М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2003. С. 139.
  - 7 Национальная библиотека Республики Карелия, Чин погребения и чин исповеди, № 306022, Л. 100 об. Описание рукописи см.: [8, 387]. Описание данной рукописи выполнено Е. Н. Кутьковой.
  - 8 На искренность исповедального высказывания Мити указывают В. Е. Ветловская [4, 96] и О. С. Соина [9, 132].

Список литературы

1. *Бахтин М. М.* Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. *Философская эстетика 1920-х годов*. Собр. соч.: В 7 т. М.: Русские словари, 2003. Т. 1. С. 69–263.
2. *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советская Россия, 1979. 320 с.
3. Бахтин М. М. *Эстетика словесного творчества*. М.: Искусство, 1979. 424 с.
4. *Ветловская В. Е.* Поэтика романа «Братья Карамазовы». Л.: Наука, 1977. 198 с.
5. *Захаров В. Н.* Осанна в горниле сомнений // Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Современное состояние изучения. М.: Наука, 2007. С. 694–710.
6. *Захаров В. Н.* Проблемы исторической поэтики. Этнологические аспекты. М.: Индрик, 2012. 264 с.
7. *Мартинсен Д.* Первородный стыд // Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Современное состояние изучения. М.: Наука, 2007. С. 418–423.
8. Памятники книжной старины Русского Севера: коллекция рукописей XV—XX веков в государственных хранилищах Республики Карелия / Сост., отв. ред. и автор предисл. А. В. Пигин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. 608 с.
9. *Соина О. С.* Исповедь как наказание в романе «Братья Карамазовы» // Достоевский: Материалы и исследования. Л.: Наука, 1985. Т. 6. С. 129–137.

Denis Vladimirovich Vasil'ev

*MA 2nd year of training, philological faculty,
Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
vasiljevden@yandex.ru*

**CONFESSION AND REPENTANCE
IN F. M. DOSTOYEVSKY'S NOVEL
THE BROTHERS KARAMAZOV**

Abstract. The article deals with the meaning of a penitential confession in Fyodor Dostoyevsky's novel *The Brothers Karamazov*. It is noted that the penitential confession in the novel exempts from the burden of guilt, allowing the confessor to get rid of spiritual sufferings through the compassion of the person who accepts the confession and shares the guilt with the sinner. It is emphasized that a repentance is inseparably linked with overcoming the

sense of shame before public exposure and self-obsession with one's reputation. The attention is paid to mutual confessions in the novel after which the heroes step on the path towards transformation. It is concluded that penitential confessions of heroes result in their revival and spiritual renewal, as each of them is given a chance to endure spiritual revolution, to overcome the "hell" and to confirm the validity of Zosima's idea about common guilt and responsibility.

Keywords: Dostoyevsky, confession, repentance, idea of common guilt and responsibility

References

1. Bakhtin M. M. Avtor i geroy v esteticheskoy deyatel'nosti [The author and the hero in esthetic activity]. *Bakhtin M. M. Filosofskaya estetika 1920-kh godov* [Bakhtin M. M. Philosophical esthetics of the 1920th years]. Collected works in 7 vols. Moscow, Russkie slovari Publ., 2003, vol. 1, pp. 69–263.
2. Bakhtin M. M. *Problemy poetiki Dostoyevskogo* [Problems of Dostoyevsky's Poetics]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1979. 320 p.
3. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The Esthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 424 p.
4. Vetlovskaya V. E. *Poetika romana «Brat'ya Karamazovy»* [Poetics of the novel *The Brothers Karamazov*]. Leningrad, Nauka Publ., 1977. 198 p.
5. Zakharov V. N. Osanna v gornile somneniy [Hosanna in a hearth of doubts]. *Roman F. M. Dostoyevskogo «Brat'ya Karamazovy»*. *Sovremennoe sostoyanie izucheniya* [Novel of Dostoyevsky *The Brothers Karamazov*. Current state of studying]. Moscow, Nauka Publ., 2007, pp. 694–710.
6. Zakharov V. N. *Problemy istoricheskoy poetiki. Etnologicheskie aspekty* [Problems of historical poetics. Ethnological aspects]. Moscow, Indrik Publ., 2012, 264 p.
7. Martinsen D. Pervorodnyy styd [First-born shame]. *Roman F. M. Dostoyevskogo «Brat'ya Karamazovy»*. *Sovremennoe sostoyanie izucheniya* [Novel of Dostoyevsky *The Brothers Karamazov*. Current state of studying], Moscow, Nauka Publ., 2007, pp. 418–434.
8. *Pamyatniki knizhnoy stariny Russkogo Severa: kolleksiya rukopisey XV–XX vekov v gosudarstvennykh khranilishchakh Respubliki Kareliya* [Monuments of book old times of the Russian North: collection of manuscripts of the XV–XXth centuries in the state storages of the Republic of Karelia]. Compiler, executive editor and author of the preface A. V. Pigin. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2010. 608 p.
9. Soina O. S. Ispoved' kak nakazanie v romane «Brat'ya Karamazovy» [Confession as punishment in the novel *The Brothers Karamazov*]. *Dostoyevskiy: Materialy i issledovaniya* [Dostoyevsky: Materials and research]. Leningrad, Nauka Publ., 1985, vol. 6, pp. 129–137.